

ШЕСТАЯ симфония Чайковского! Как много связано с этим произведением у каждого, для кого наслаждение красотой искусства составляет неотъемлемое качество жизни!

В великой сокровищнице мировой культуры есть особые явления искусства. В них человеческий гений проявляет всю свою исполинскую силу, всю мощь своего мастерства, все умение воплотить в звуках ли, в красках или словах образы человеческой жизни, ее радости и горести, величия побед и горечь поражений, тончайшие оттенки переживаний и грандиозные эпические картины истории. Такие произведения — прежде всего великие памятники эпохи, в них запечатлены конкретные приметы времени и человеческого бытия. И воплощены они с такой силой, с таким проникновением во все «тайники» психологического мира человека, что остаются жить на века, становясь одновременно и памятниками величия человеческого гения.

Такие произведения обогащают наше представление о жизни, расширяют наше познание действительности, помогают полнее и острее ощутить окружающий нас мир. К ним относится и Шестая симфония Чайковского.

Это произведение — «лебединая песня» композитора. 16 октября 1893 года она впервые была исполнена под управлением автора в Петербурге. А через девять дней — в ночь с 24 на 25 октября Петр Ильич простился с жизнью...

Последнее сочинение во многом необычно и по содержанию. В нем Чайковский словно подводит итог своей жизни, мысленно пробегая по отдельным ее этапам. Композитор необычно долго готовился к ее созданию. Начиная с 1890 года, за три года до сочинения, он набрасывает план симфонии с примечательным названием: «Жизнь!» Сохранившиеся рукописи и пометки автора рассказывают нам о ее замысле. Вот некоторые из них: «Первая часть — вся порыв, уверенность, жажда деятельности. Должна быть краткая. (Финал смерть — результат разрушения) (2 часть — любовь; 3 — разочарование); 4 кончается замиранием (тоже краткая); 5 набросков финала заметка: «Вперед, вперед!».

Этот замысел не был осуществлен Чайковским. В 1891 году он снова задумывает симфонию, набрасывает эскизы. И вновь написанное не устраивает автора. От этого замысла остались некоторые наброски. Около одного из них автор пометил: «Мотив: Зачем? Зачем? Для чего? Начало и основная мысль всей симфонии!».

Эти лаконичные записи «предвестников» Шестой симфонии создают некоторое представление о том, какие же мысли и чувства волновали композитора в ту пору.

На рубеже последнего года жизни, уже в канун сочинения симфонии, после многолетнего перерыва Чайковский встречается со своей воспитательницей — Фанни Дюрбах. Эта встреча оживила воспоминания детства, в его сознании, как в калейдоскопе, промелькнули образы прожитой жизни. «По временам я до того переношусь в это далекое прошлое, что делалось как-то жутко и в то же время сладко, и все время мы оба удерживались от слез...» — вспоминал Петр Ильич об этой встрече. Можно предположить, что она еще больше укрепила его в мысли создать симфонию как философскую музыкальную поэму о человеческой жизни, осознать и прочувствовать в ней вехи пройденного пути...

И вот в феврале 1893 года в письме к своему племяннику В. Л. Давыдову композитор сообщает: «Во время путешествия у меня явилась мысль другой симфонии, на этот раз программной, но с такой программой, которая останется для всех загадкой — пусть догадываются, а симфония так и будет называться «Программная симфония» (№ 6)... Нередко во время странствований, мысленно сочиняя ее, я очень плакал...» Характер нового сочинения мы можем себе представить, имея в виду и другой примечательный факт: в сентябре 1893 года Чайковский отказывается от предложения создать «Реквием» (заупокойную службу) на слова Апухтина, так как, по его словам, симфония, «только что написанная и предназначенная к исполнению... проникнута настроением, очень близким к тому, которым преисполнен «Реквием».

Симфония сочинялась в подмосковном городке Клину, на его окраине композитор жил в последние годы своей жизни.

Вчерне симфония была закончена в феврале — марте 1893 года. Последнюю же точку в партитуре композитор поставил в августе... «...Считаю ее наискреннейшим из всех моих вещей». «В симфонию эту я вложил, без преувеличения, всю мою душу...» Так характеризует Чайковский в письмах свое новое произведение.

***

В ПОСЛЕДНЕЙ симфонии, как и обычно, четыре части: аллегро, вальс, скерцо-марш. И совсем необычный «замораживающий» финал.

Наиболее драматическая часть — первая. Это настоящее поле битвы, поединки конфликтных образов... Из сумрачных басовых регистров медленно поднимается вверх тема вступления. Как писал известный музыковед академик Асафьев — «словно человек силится вспомнить какую-то мысль и долго не в состоянии этого сделать».

Основная тема первой части выросла из вступления, но в отличие от него — это уже беспокойная мысль, возбужденный образ смятения и тревоги... Уже здесь, в начале части, порывистый характер темы обнаруживается не только в самом ее облике, но и в развитии — беспокойной перекличке отдельных ее попевок, в лихорадочных взбегках к вершинам и стремительных мелодических спадах.

Звучит вдохновенная широкая кантлена второй темы. Она — словно сладкое воспоминание, рожденное сердцем, как островок светлой, но уже далекой мечты в суетливом житейском море. И здесь спокойствие распева нарушается импульсивными всплесками, жалобными причетами. Но пока они еще как легкие тучки на голубом небосклоне. Главные бои — впереди...

И вот грозные сигналы струнных и деревянных инструментов прорезают тишину. Страшный взрыв чувства потрясает сознание.

Весь центральный раздел первой части представляет ожесточенный поединок первой, главной темы смятения героя и грозных образов зла, как бы встающих на его пути... Мечется и трепещет беспокойная мелодия под натиском суровых унисонов труб и тромбонов. Мы слышим первый результат этой схватки: басы залезают хорал смерти, напев заукойной молитвы «Со святыми упокой». Но вскоре, словно оправившись от страшного удара, снова звучит тема героя, израненного и надломленного; как будто он находит в себе мужество подняться и, набрав жизненных сил, вновь ринуться в схватку...

В вершине поединка на фоне рокота литавр вступает потрясающий по силе диалог духовых и струнных инструментов: навстречу нисходящей мелодической линии скрипок поднимаются, призывая, суровые реллики тромбонов. После диалога — пауза. Как будто окаянела от горя душа.

К жизни ее пробуждает возникающий издалека образ прекрасного — вторая тема. Но, словно не ощутив солнечного тепла жизни, она вскоре вновь свертывает свои нежные лепестки. Развитие второй темы заканчивается проникновенным тихим заключением: на фоне опускающихся, мерных «шагов» струнных инструментов все выше, словно в небытие, поднимаются торжественные аккорды духовых. Последние звуки их как бы растворяются в вышине...

Первая часть Шестой симфонии — основная в цикле. Это вдохновенная поэма о жизни и смерти. О страстности жизненных порывов, открылленных светлыми воспоминаниями, и суровых образах зла, несущих тревоги, разочарования, смерть. О поединке гуманистических образов и мрачного, жестокого, античеловеческого начала. И чем острее, драматичнее ситуации, тем богаче и многограннее раскрывается перед нами образ героя симфонии, красота его стремлений, его борьбы с силами зла.

ВТОРАЯ часть симфонии была написана позже других. Ее основная атмосфера возникла из второй лирической темы первой части. Как и обычно в лирических частях симфоний Чайковского, ее основное содержание — наплывы светлых, чуть подернутых дымкой грусти воспоминаний.

Крайние разделы второй части — несколько необычный, пятитактовый вальс. Изящные образы поэтического бала как бы оживили в памяти самое сокровенное, самое дорогое. Мы снова словно заглядываем в беспокойную душу героя симфонии: далеко унеслись его мысли... Нежный образ светлой мечты кажется и близким и одновременно далеким, недостижимым...

Интересна и показательна история возникновения этой темы среднего раздела второй части. Ее очертания очень близки к эстонской народной лирической песне-воспоминанию «Дорогая Мари».

Далеко живешь ты, Мари,
Василек души моей...
Часто ты вздыхаешь, Мари,
Часто спезы льешь в тиши.

— так обращается к своей возлюбленной молодой эстонский парень...

Незадолго до сочинения симфонии Чайковский ездил в Эстонию. Видимо, здесь-то он и услышал эту нежную эстонскую песню и отложил ее в своей памяти, а в нужный момент его сознание воскресило и подсказало эти интонации для создания образа лирического, чуть грустного воспоминания во второй части симфонии.

Как искусный ювелир обрабатывает драгоценный камень, так и Чайковский многое обогатил в народном оригинале: иным сделал окончание мелодии, значительно обострил ее интонации печали и жалобы, дописал постоянно пульсирующее сопровождение. Так родилась, собственно, уже новая, своя музыкальная тема, но созданная на основе народного оригинала.

В конце среднего эпизода сквозь тихие жалобы угасающей песни пробиваются звуки вальса, постепенно разгораясь и исчезая. На угасающей звучности вновь мелькают обрывки жалобной песни, перемежаясь с отзвуками вальса, и все окончательно замирает.

ТРЕТЬЯ часть симфонии сочинялась тотчас же после первой, но, набросав ее начало, композитор вынужден был прервать сочинение и уехать на несколько дней из Клина в Москву. Чтоб не забыть намеченного плана развития мысли, он записал около начальных эскизов: «Сегодня, 11 февраля, уезжаю. Когда вернусь, первое дело сочинить конец... в торжественно ликующем роде...».

Тема торжественного марша зарождается, растет и крепнет еще во время звучания первой — скерцозной, подвижной темы. Ее суетливое движение несколько напоминает по своему характеру быстрый итальянский народный танец — тарантеллу.

Но уже вскоре в назойливом шуршании струнных проступает и все более усиливается звучание властного мотива марша. И так происходит дважды: зародившись в суетливом движении тарантеллы, волевым, несколько аскетичным и холодной тема марша достигает в своем звучании, особенно во второй раз, поистине ослепительного блеска.

Что же хотел выразить композитор в третьей части симфонии? Это наиболее трудный вопрос. Разные точки зрения существуют по этому поводу.

Скорее всего основные образы третьей части симфонии отразили впечатления, связанные с внешне блестящей, увлекательной жизнью большого, широко признанного артиста, ее сутолокой, шумными встречами, приемами, ликованием публики в грандиозных столичных залах Москвы и Петербурга, Европы и Америки. В этом смысле примечательны и сама авторская характеристика главной темы скерцо: «Марш в торжественно ликующем роде» и тот факт, что композитор начал сочинение скерцо с самого ослепительного звучания этой главной маршевой темы и только потом уже создал его начало.

Скерцо-марш — это стремительное мелькание образов пестрых, блестящих, но не согретых теплотой сердца. Видимо, не случайно можно найти и что-то общее между третьей частью симфонии и хорошо знакомым ариозо Германа в последней картине оперы «Гликовая дама» — «Что наша жизнь? Игра!»

ЗВУКАМИ тяжелой скорби начинается финал Шестой симфонии. По выражению самого композитора, это самое тягучее адажио. Оно совсем необычно для завершения крупного симфонического произведения не только в русской, но и в западной музыке. В нем как бы сосредоточилась вся грусть расставания с жизнью, вся скорбь утраты душевных сил. Ниспадающая, словно говорящая мелодия, пронизанная стенами и вздохами, сливается с молящими возгласами в один трагический образ, облетенный великим музыкантом в изумительную по красоте художественную форму.

В средней части финала возникает просветление, кажется, что новая, чудесная лирическая тема вот-вот выведет героя из состояния оцепенения, но в вершине страстное пение струнных внезапно обрывается и повторенная первая тема вновь насыщает музыку рыданиями и стоном. Развитие ее заканчивается цепью хоральных аккордов, несколько напоминающих заукойный напев из первой части.

Заключение симфонии — почти реально ощущаемый образ расставания с жизнью.

Огромно, бездонно человеческое горе. Слово угасая, мелькают интонации лирического распева из среднего раздела. Но и они тают в глухом, низком регистре виолончелей...

Так заканчивается великая симфония великого художника. Богатство оттенков ее лирической музыки поистине неистощимо. Композитор излил в ней могучий поток самых разнообразных человеческих чувств. Огромной жаждой жизни напоено ее содержание. Но общий колорит симфонии и особенно ее финала не вызывает сомнений: он глубоко трагичен. Настроение смятения и растерянности, все более сгущаясь к финалу, неумолимо ведет героя симфонии к ощущению безнадежности, к гибели.

И все же, несмотря на такой финал, не в нем основной смысл симфонии. Как и всякая истинно высокая трагедия, Шестая симфония Чайковского — это и страстное утверждение жизни. Ибо ни в одном другом его произведении не заключена столь могучая жизненная энергия, столь настойчивая сила и активный порыв к человеческому счастью, как именно в этой последней симфонии.

Круг ее мысли и чувства отражал не только личные ощущения композитора, но и те чувства, которые испытывали в страшную эпоху «безвременья», в период политической реакции царствования Александра III многие представители русской интеллигенции. Наиболее впечатлительные натуры буквально задохнулись в этой удушливой атмосфере — ушли из жизни писатели Гаршин, Успенский, поэт Надсон.

«Я издала стал как-то живее и больше сознать настоящее положение дел у нас и часто испытывал серьезную гражданскую скорбь, читая о том, что у нас творится. Впрочем может быть письма вскрываются и потому от политических соображений воздержусь...», — так пишет сам Чайковский в письмах из-за границы в эти годы.

То было время «Крейцеровой сонаты» Толстого и «Палаты № 6» Чехова, проникновенных в своей печальной лирике пейзажей Левитана, сумрачной «чеховской» поэмы Рахманинова «Утес». В этой чуткости ко времени, к общественным настроениям эпохи, к судьбам народа, в страстном протесте художника — исторического значение Шестой симфонии Чайковского.

«Поэзией великой скорби» называла ее великая русская актриса Ермолова. «Она ясна, глубока, торжественно прекрасна», — делилась Ермолова с братом композитора в 1898 году.

В письме к матери в 1903 году Владимир Ильич Ленин писал: «...Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны, — особенно последней симфонией Чайковского».

Нужно ли говорить о том, что и теперь вечно живая музыка симфонии, ее трепетные, драматичные образы продолжают воспламенять наши сердца и доставлять нам необыкновенное эстетическое наслаждение! Так ведь всегда случается с произведениями истинно высокого гуманистического искусства, над которыми и власть времени отступает, признавая свое бессилие...

Б. ЯРУСТОВСКИЙ.